

ИЗОБРАЖЕНИЕ И ОЦЕНКА ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ В КАРПАТАХ В РОМАНЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО» (к 100-летию Первой мировой войны)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (34) 2015

УДК 821.161.2-31 Солженицін

Бородина Л. Зображення та оцінка військових дій в Карпатах у романі О. Солжениціна «Красное колесо» (до 100-ліття Першої світової війни); 10 стор.; бібліографічних джерел – 11; мова – російська.

Анотація. У статті розглядається роман О. Солжениціна «Красное колесо» з точки зору зображення в ньому військових дій у Карпатах в період з чотирнадцятого по шістнадцяті роки, погляди на війну персонажів роману і самого автора твору, оцінка військових дій і тих причин, що спонукали подальші катастрофічні події в Росії.

Ключові слова: роман, хронікальність, епічний конфлікт, православне світобачення, пророчий дар, революційні події.

До сих пор творчество А.И. Солженицына воспринимается отдельными критиками неоднозначно. В этой связи мне хотелось бы сослаться на авторитетное мнение доктора филологических наук, профессора Н.И. Глушкова, который даёт высокую оценку писателю как классику русской литературы: «В ряду аргументов солженицынского права на звание классика русской литературы бесспорна национальная ипостась его творчества: православное мировидение, защита государственных интересов России в неразрывной связи с положением русского народа, восхищение бескорыстной самоотверженностью Иванов и Матрён, славянофильское неравнодушие к родному языку...» [1].

Исследователи подчеркивают самобытность пророческого дара А. Солженицына. Так, профессор В.Н. Белопольский назвал свою статью «А.И. Солженицын и исторические судьбы России: пророчества, которые сбылись и сбываются» [2]. Исследователь говорит о том, что многие предсказания Солженицына осуществились: «Часы коммунизма своё отбили» [2, 538]. Некоторые высказывания звучат особенно актуально в свете событий последнего времени: «Он писал, что внедрение институтов демократии западного типа не даёт возможности выявить подлинную волю народа и приводит на деле к олигархии; что внезапный переход к демократии чреват угрозой национальных войн («Если объявить демократию внезапно, то у нас начнётся истребительная межнациональная война» [1, 684].

Целью данной работы является исследование военных событий в Карпатах в ходе Первой мировой войны, взгляды на эти события персонажей романа и самого автора, который даёт оценку происходящего в то время и изучает причины, которые способствовали развитию революционных событий, а также той катастрофы, которая, по мнению Солженицына, произошла в России. Особенность «Красного колеса» в изображении эпохи

состоит в определении позиции автора таким образом, чтобы быть «подальше от писателей, поближе к историкам», «по возможности дать всю вертикаль, как только можно. Без участия масс и низов нет истории, и нет исторического повествования». Традиционный эпический конфликт переосмысливается писателем и создаётся своя концепция национальной жизни: «Главного героя не будет ни в коем случае – это и принцип мой: не может один, его взгляды, его отношение к делу передать ход и смысл событий. Обязательно даже главных, излюбленных, ведущих героев должно быть с десяток, а *главное действующее лицо сама Россия*» (выдел. мной, Л.Б.).

Архитектоника повествования чрезвычайно сложна, важным оказывается уровень ассоциативных связей, пронизывающих эпос. Так, в «Августе 14-го» сюжет существует сразу в нескольких пересекающихся временных измерениях: хронологически охватывая девять дней, он содержит пласты более чем двух десятилетий: неудачный ход войны, гибель армии Самсонова, убийство Столыпина, события в глубоком тылу. В структуре эпопеи А. Солженицына происходит сдвиг в сторону хроникальности, когда, по словам самого автора, «при невероятной плотности событий, концентрации мысли вымышленным героям просто ничего не остается делать на страницах повествования трагических коллизий своего времени». Т.о., в авторской интерпретации важнейшее значение приобретает универсализм эпического сознания, общности и единства народной судьбы, а не романский стиль становления и развития характеров.

Стремясь как можно правдивее раскрыть «эпохальную трагедию бесконечно жестокого века России» [7, 3], автор находит ее истоки в бурных, противоречивых, страшных событиях начала XX столетия. Для достижения объективности повествования автору понадобилась опора на «плотность», «густоту достоверных фактов» и ограничение художественного вымысла [8, 53-54]. Как

пишет исследователь Чучвага Л.М., описание исторических событий в романе-эпопее «Красное колесо» основано не только на их хронологически достоверном воспроизведении, но и на использовании обширного документального материала: военные приказы и сводки, политические воззвания, архивные данные, мемуары, письма, дневники, записные книжки и т.д. [10, 87] Документальность выступает не как средство, а как форма создания художественного образа эпохи: отбираются, систематизируются подлинные факты, документы. Их взаимосвязь с авторской концепцией определяет структуру произведения, что соответственно формирует жанр документально-художественного исторического романа.

Французский исследователь Жорж Нива одним из первых раскрывает символику заглавия «Красного колеса»: «Символ, знаменующий разрушение русской отчизны, – колесо или жернов; он возвращается часто и становится заглавием солженицынской эпопеи: «Красное колесо» [4]. То это жернова, на которых «перемалывается наша душа» («Архипелаг Гулаг», Часть первая, гл. 4), то «кручение большого колеса», решающее судьбу смертников (там же, гл. 11). В «Августе Четырнадцатого» появляется настоящее колесо огня – горящие крылья ветряной мельницы, которые вспыхивают в самый миг встречи двух героев романа – крестьянина Арсения Благодарева и офицера Георгия Воротынцева. Огонь касается крыльев, лижет их своими пурпурными языками, и вот уже вертится огненное колесо...». И далее: «Помещенная под этим огненным зодиаком, солженицынская Россия обречена на судьбу, которая будет решающей для всего мира» [4, 238]. Детально образ красного колеса рассматривается в работе С.М. Калашниковой, в ряде других исследований. Так, Калашникова пишет: «Красное колесо» завершается образом дороги, но возведённым уже в ранг историософского образа-символа («Это – дорога. Дорога, что есть жизнь каждого. И вся наша История»). И далее: «...лейтмотивный иконический образ красного колеса возникает в связи с восприятием Воротынцевым в «Августе 14-го» войны как молотьбы (гл. 25). Как продолжение этого образа, но одновременно поддерживая мотив хаотического, неостановимого движения, появляется видимая Воротынцевым картина горящей ветряной мельницы, которая «разваливается на куски». Так рождается образ распадающегося солнца, что можно трактовать как символ разрушающегося миропорядка [3].

Жорж Нива писал в 1990 году: «Сначала Солженицын задумывал эпопею в четырнадцати или даже в двадцати «узлах». Сегодня, по видимому, он не заглядывает дальше первых четырёх «узлов» в восьми томах. В зависимости от времени, которое Бог уделит писателю, эпилог придётся на 1917 или 1945 год (последний – срок смерти Воротынцева, который наворожил ему ки-

таец») [4]. На данный момент десятитомное «Красное колесо» состоит из четырёх частей – «узлов»: «Август Четырнадцатого», «Октябрь Шестнадцатого», «Март Семнадцатого» и «Апрель Семнадцатого». «Август Четырнадцатого» как вступление в большой роман о русской революции задуман в 1937 году.

По мнению Ж. Нива, «главная тема «Августа Четырнадцатого» – *русский человек*. России придворной (генералы Ставки), России ханжеской (великий князь), России ура-патриотической противопоставляется Россия жертвенная, благочестивая, древняя, Россия Самсонова» [4].

Судьба армии Самсонова показана с разных точек зрения. То это дневник войны, в котором официальная сводка даётся с ура-патриотических позиций и истинные причины гибели армии не освещаются: «Если немецкие военные власти в своих реляциях описывают даже такие победы, каких не было, то наш Генеральный штаб умалчивает иногда и о таких победах, которые были одержаны. Только на путях движения южного нашего отряда немцам удалось временно задержать обходные колонны генерала Самсонова, причём сам командующий, а также генералы Пестич и Мартос убиты, страшно пострадал от артиллерийского огня штаб, и русским полкам нанесены тяжёлые потери.

Впрочем, от этой прискорбной случайности наше стратегическое положение несколько не пострадало... Непрерывный приток сил из России изменил соотношение сил в нашу пользу. Чтобы удержать Самсонова, немцам пришлось перебросить два корпуса из Бельгии.

Таким образом, энергичное движение генерала Самсонова как бы было кровавою жертвою, принесённою на алтарь боевого братства...» (гл.78).

Солженицын показывает Ставку главнокомандующего глазами честного офицера Воротынцева, и те вопросы, которые задаёт Воротынцев, и оценки, которые он ставит действиям Штаба фронта, вскрывают ложь политиканов, приносящих кровавые жертвы на алтарь войны. Кровавое колесо делает свой оборот. Только в финале «Августа Четырнадцатого» читателю становится ясно, что «...штаб фронта как будто нарочно рассогласовывал действия армии и послал Первую на неделю раньше – зачем? ...Генерал Самсонов был обвиняем в отсутствии решительности, но высшую нерешительность проявляло главнокомандование фронта, оставляя для страховки, на коммуникации, на «прикрытие полосы», не отводить от Бишофсбурга, не продвигать от Сольдау – п о л о в и н у войск!» (гл. 82). «Ещё до границы, ещё до соприкосновения с противником корпуса должны были пять и шесть суток увязать в песках!». У Мазурских озёр Армия потеряла 20 тысяч убитыми и 70 тысяч пленными, а Генштаб возложил вину на покойного командующего, который «к облегче-

нию, ...сам себя убрал», т. е. покончил с собой, о чём предпочли не говорить в штабе и о чём молчали газеты. Вот что «стрелой калёной» сидело в груди Воротынцева, о чём горестно повествует Солженицын, предпочитая о победах писать в одной строке: « – Господа! Матерь Божия не оставила нашей России! Город Львов – взят. Колоссальная победа!» (гл. 82).

Телеграммой от 20 августа о победе подо Львовом завершается повествование о войне в романе «Август Четырнадцатого». Как пишет в своей работе Т.Н. Фоминых, «выбор самсоновской катастрофы в качестве первого узла «Красного колеса» не случаен. В бессмысленной гибели второй армии в первый же месяц боевых действий автор увидел очевидное продолжение военных неудач русско-японской войны и предвестие грядущего распада России [9]. Значение книги, как полагает А. Шмеман, состоит в том, что военное поражение вскрыто как поражение духовное, «подготовленное ложной мифологией, завладевшей волей и разумом России» [11].

Как пишут исследователи, из четырёх Узлов «Красного колеса» «Октябрь Шестнадцатого» более всех близок тому литературному жанру, что обычно именуется «романом». По определению Солженицына, роман «отличается от повести не столько объёмом, и не столько протяжённостью во времени (ему даже пристала сжатость и динамичность), сколько захватом множества судеб, горизонтом огляда и вертикалью мысли» [5, 28]. «Горизонт огляда» очерчен первоначальным двадцатитомным замыслом, а «вертикаль мысли» задана размышлениями о судьбе России в огне Первой мировой войны.

В главе 55 Солженицын, описывая бои у деревни Скроботово, где в июле «затевали наступление всего Западного фронта, тремя корпусами», говорит о Скроботовском бое, который может, «и не стоит разбора вне 35 корпуса, он, во всяком случае, не событие для Западного фронта, а тем более – для всей Европейской войны. Но для того, кто там полз, по крови и по мясу, и уже не надеялся вылезти, – тому Скроботовский бой разделил всю жизнь чертой: до этого боя и п о с л е». Друг детства Константин рассказывает Сане Лаженицыну о бессмыслице позиционной войны, о страшной «окопной правде» и потерях, которые обусловлены полным равнодушием командного состава к судьбе рядовых участников сражений: «...что и как исправлять, если наши пороки – это воздух наш, это мы сами? Немцы воюют с тяжелой артиллерией. А русские – с Богом. Если исключительно для удобства написания приказов разграничение дивизий ведут по урочищам и стыки не укрепляют никакими резервами, так что по урочищу гуляй к нам в тыл хоть батальонной колонной? Если наши сапёры строят узлы обороны не в тайных местах, а на горках. Чтоб отбиваться легче, – так их под склонами обходи безопасно. И всё? Если третий год войны – а

мы не можем стальных касок солдатам на головы надеть, сколько из-за этого лишних убитых?..Если у нас набивают окопы гуще двух винтовок на сажень, так что самим стрелять неудобно? Набивают – будто нарочно, чтоб немецкие снаряды не впустую падали» (гл. 55).

Солженицын повествует о подвигах штабс-капитана Клементьева, о гибели батальона Купрюхина, героической смерти в бою полковника Русаковского и ещё многих других, кто брал Австро-Венгерский окоп, в котором «сидеть пришлось – на полное вымолачивание. А потом – потом немцы пошли в атаку» (гл. 55). Чудом уцелевший в этих боях Константин рассказывает, как «вылезали из окопа – на карачках, по раненым и мёртвым», «как просидели полдня жертвами, ничего не сделав. И лишь чудом спаслись немногие. А недочлись за два дня – тысяча двести пятьдесят три человека». Рассказ Константина Солженицын завершит в толстовском стиле: «После сидения в Австро-Венгерском окопе возникло в нём какое-то резкое знание – и о ближнем, и о дальнем, и о войне, и обо всём мире, чего не было в нём раньше» (гл. 55). Вывод, который делает рядовой участник событий, неутешителен, его позицию разделяет автор, отмечая перелом в развитии хода войны: «Что генералы и Ставка нашего горя не делят – и нет им дела ни до чего. А какие есть толковые – что же они там думают и смотрят? Что офицеры многие ловчат, и геройство стало очень расчетливое: как бы Георгия получить без лишнего риска. ...А шестинедельные прапора – вообще не офицеры. И вся армия уже не та, которую мы с тобой застали в прошлом году» (гл. 55). Что ж, Солженицын весьма убедительно показывает, почему война, которую вначале называли отечественной, получила другое определение. И хотя исследователи «Красного колеса» пишут о том, что у Солженицына в изображении истории встречаются и неточности, и несообразности, они соглашались с тем, что в изображении писателя «солдат и офицеров связывают братские отношения, лишённые порождённых общественным неравенством конфликтов, которые могли бы разрешиться не иначе, как путём социального взрыва», русские солдаты – это защитники Отечества, а «не безликие серые шинели, становящиеся героями лишь тогда, когда бросают винтовку или поворачивают её в сторону своего правительства, пославшего их на смерть», как это зачастую изображалось в произведениях советских авторов [9].

Важнейшие проблемы «Красного колеса» – Россия и революция, революция и война, причём Солженицыну важно показать, как революционные идеи сказываются на ходе военных событий, как «революционная зараза» влияет на все слои общества, в конечном итоге – на судьбу России. Вот как солженицынскую тревогу о России высказывает генерал Нечволодов, человек крайне правых взглядов, собеседник Воротынцева: «Неужели не видно вам, полковник, до чего доведена Рос-

сия? Не от войны мы в катастрофе! Не от потерь и не от дурного снабжения. Мы в катастрофе оттого, что уже завоёваны левым духом! Отрицатели всех русских начал, орда революционная, саранча из бездны! – ругательствуют, богохульствуют – и никто не смеет им возражать». И далее: «Вся русская жизнь – в духовном капкане... Это смертельная болезнь: помутнение национального духа. Появилась кучка пляшущих рожистых бесов – и взбаламутила всю Россию. Это не просто политический поворот, это – космическое завихрение... И у самых надёжных защитников падает сердце, падают руки» (гл. 68).

К сожалению, небольшой объём статьи не позволяет более детально рассмотреть, как в «повествование в отмеренных сроках» вплетены события Первой мировой войны, раскрыть образы

участников этих значительных событий, однако важнейшие позиции концепции писателя, на наш взгляд, хотя и бегло, изложены. Это грандиозное произведение требует пристального и непредвзятого внимания к себе исследователей. Автор стремился объективно воспроизвести трагедию России. В панорамное изображение исторических событий включены судьбы реальных исторических деятелей (царь Николай, император Вильгельм, генерал Самсонов, генерал Брусилов, видные политики и военачальники), а также рядовые участники событий. В эпопее переплелись художественный вымысел и документальность, которые вошли в структуру произведения на равных началах, составили единство фактической и эстетической достоверности, создали эпическую полноту повествования.

Литература

1. Глушков Н.И. А.И. Солженицын в классике русской литературы XX века / Личность и творчество А.И. Солженицына в контексте мировой культуры (к 80-летию со дня рождения писателя). Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 1998.
2. Белопольский В.Н. А.И. Солженицын и исторические судьбы России: пророчества, которые сбылись и сбываются. – Там же.
3. Калашникова С.М. Образ колеса в повествовании А.Солженицына «Красное колесо». – Там же.
4. Нива Жорж. Главы из книги «Солженицын» // Дружба народов. – 1990.- №5.
5. Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни.- М., 1996.
6. Солженицын А. Собр. соч.: В 30 т. – М.: Время, 2006 – 2009.
7. Солженицын А. Россия в обвале. – М., 1998.
8. Солженицын А. Интервью немецкому еженедельнику <Die Zeit> // Звезда, 1994, №6.
9. Фоминых Т.Н. «Август Четырнадцатого» А. Солженицына и русская советская проза о Первой мировой войне, Пермь. – Режим доступа: netrover.narod.ru/lit3wave/2_2htm свободный
10. Чучвага Л.М. Концепции войны в эпопеях «Тихий Дон» и «Красное Колесо»// Войны России XX века в изображении М.А. Шолохова. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 86-92.
11. Шмеман – Солженицын: диалог (часть 2). Режим доступа: <http://www.kiev-orthodox.org/site/personalities/5501/>

Людмила БОРОДИНА

ИЗОБРАЖЕНИЕ И ОЦЕНКА ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ В КАРПАТАХ В РОМАНЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО» (к 100-летию Первой мировой войны)

Аннотация. В статье рассматривается роман А.Солженицына «Красное колесо» с точки зрения изображения в нем военных действий в Карпатах в период с 1914 по 1916 годы, взгляды на войну персонажей романа и самого автора произведения, оценка военных действий и причин, побудивших дальнейшие катастрофические события в России.

Ключевые слова: роман, хроникальность, эпический конфликт, православное мировоззрение, пророческий дар, революционные события.

Ludmila BORODINA

PICTURE AND EVALUATION OF MILITARY EVENTS IN THE CARPATHIAN MOUNTAINS IN THE A. SOLZHENITSYN'S NOVEL "THE RED WHEEL" (The 100th Anniversary of the First World War)

Summary. In the article the novel O.Solzhenytsyn's "The red wheel" in terms of its image in the hostilities in the Carpathians in the period from the 14 to 16-th years, attitudes to war characters in the novel and the author of the work, evaluation of hostilities and the reasons that prompted further disastrous events in Russia.

Key words: novel, hronikalnist, epic conflict, Orthodox worldview, prophetic gift, revolution.

Стаття надійшла до редакції 25.10.2015 р.

Бородіна Людмила Павлівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської літератури філологічного факультету ДВНЗ «УжНУ»